

Иннокентий Анненский

О ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А68

Анненский, И.

А68 О литературе и языке / И. Анненский. – М. : Т8RUGRAM.
– 128 с.

ISBN 978-5-519-63248-5

Иннокентий Фёдорович Анненский (1855–1909) – крупнейший русский поэт, драматург, переводчик, исследователь литературы и языка, творчество которого отличается большой самобытностью и глубокой искренностью.

«О литературе и языке» – сборник публицистических статей Анненского, затрагивающих вопросы литературы через личности таких писателей как Николай Гумилёв, Леконт де Лиль и древнегреческий драматург Еврипид. Особое внимание автор уделяет проблемам языка в системе образования и развития общества. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-519-63248-5

© Т8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

О РОМАНТИЧЕСКИХ ЦВЕТАХ.....	5
ТРАГЕДИЯ ИППОЛИТА И ФЕДРЫ.....	9
ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ И ЕГО «ЭРИНИИ»	37
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА	91

О РОМАНТИЧЕСКИХ ЦВЕТАХ

В последнее время не принято допытываться о соответствии стихотворного сборника с его названием.

В самом деле, почему одну сестру назвали Ольгой, а другую Ариадной? Романтические цветы это имя мне нравится, хотя я и не знаю, что, собственно, оно значит. Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, и с меня довольно.

Темно-зеленая, чуть тронутая позолотой книжка, скорей даже тетрадка Н. Гумилева прочитывается быстро. Вы выпиваете ее, как глоток зеленого шартреза.

Зеленая книжка оставила во мне сразу же впечатление чего-то пряного, сладкого, пожалуй, даже экзотического, но вместе с тем и такого, что жаль было бы долго и пристально смаковать и разглядывать на свет: дал скользнуть по желобку языка и как-то невольно тянешься повторить этот сладкий зеленый глоток.

Лучшим комментарием к книжке служит слово «Париж» на ее этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навеянная Парижем...

*Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.
А когда на изумрудах
Нила Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.*

Иннокентий АННЕНСКИЙ

В этих словах не один искусный подбор звукоцветностей, в них есть и своеобразная красота, только она боится солнечных лучей. Ее надо рассматривать при свете и даже при запахе от уличного «bee Auer»¹. Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в *safe-concert*² они оба были положительно красивы, размалеванные.

Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячетлетнего тумана: бульвар, bee Auer, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе вот и вся декорация «асирийского романа».

Не ушли стихи Н. Гумилева и от дьявола, конечно. Только у Н. Гумилева это, к счастью, не карамазовский дьявол, а совсем другой.

Но что же из всего этого? Мы слишком серьезны. Нам нужно во что бы то ни стало, чтобы дьявол вышел и в стихах именно такой, каким он снился аскетам после голода и самобичеваний. Но Париж ведь не со вчерашнего дня знает и другого дьявола, этот дьявол создание городской фантазии, мечта Мансарды и Буль-Миша; это он был *se bohème gitanant*³. М. Роллина и не о нем ли плакала еще недавно и верленовская шарманка? Что же? Разве этот дьявол не может быть красив? Вам смешна великая любовь дьявола, и что он дьявол, и что он плавал (здесь за магнитом Ф. Сологуба, кажется) напрасно. В бульварном дьяволе, может быть, есть абрис будущего...

¹ газового рожка (*фр.*)

² кафешантан (*фр.*)

³ ухмыляющаяся богема (*фр.*)

О ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ

Почему «мореплаватель Павзаний» и «император Каракалла» должны быть непременно историческими картинами? Для меня довольно, если в красивых ритмах, в нарядных словах, в культурно-прихотливой чуткости восприятий они будут лишь парижски, пусть даже только бульварно-декоративны.

И над морем седым и пустынным, Приподнявшись лениво на локте, Посыпает толченым рубином Розоватые длинные ногти.

Это положительно красиво... а Красивое, право, не так-то уж далеко и от Прекрасного. *Pulchrum non inquit sed multa*¹. Н. Гумилев умеет смотреть, если захочет, и говорить о том, что видит, если видение красиво.

Кто был бледный и красивый рыцарь,
Что проехал на черном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?
И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?
И зачем мой старший брат в испуге,
При дрожащем мерцанье свечи,
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?
И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?.. и т. д.

¹ Прекрасное не едино, но множественно (лат.)

Тема ясна и хорошо развивается: это придушенное семейное несчастье истеричка-дочь, «влюбленная в дьявола». Каданс выдержан: в нем чувствуются большие, но стертые ступени спиральной башенной лестницы, идут к теме и глухие диссонансы в чередовании с рифмами.

Хорошо и «Озеро Чад», история какой-то африканки, увеселяющей Марсель. Тут целый ряд тропических эффектов, и все, конечно, бутафорские: и змеи-лианы, и разъяренные звери, и «изысканный жираф», жираф-то особенно, но все чары африканки пропитаны трагедией. Н. Гумилев не прочь был бы сохранить за песнями об этой даме их, т. е. песен, у него три всю силу экзотической иронии, но голос на этот раз немножко изменил Анахарсису XX века, ему просто жаль дикарки, ему хочется плакать.

*Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.*

Зеленая книжка отразила не только искание красоты, но и красоту исканий. Это много. И я рад, что романтические цветы деланные, потому что поэзия живых... умерла давно. И возродится ли?

Сам Н. Гумилев чутко следит за ритмами своих впечатлений, и лиризм умеет подчинять замыслу, а кроме того, и что особенно важно, он любит культуру и не боится буржуазного привкуса красоты.

ТРАГЕДИЯ ИППОЛИТА И ФЕДРЫ

I

В 428 г. до р. Хр. на афинскую сцену был поставлен второй «Ипполит» Еврипида. Это была одна из тех увенчанных, но чисто аттических пьес, эстетическое влияние которых не перешло за грань античного мира. Драмой значения всемирно-исторического пришлось стать первому, не дошедшему до нас «Ипполиту», через вдохновленного им Сенеку.

Целью моего послесловия будет опыт эстетического разбора уцелевшей трагедии. Какие бы то ни было сопоставления этой удивительной пьесы с одноименными ей произведениями других народов не входят в мою задачу, но не потому, чтобы я считал этот вопрос исчерпанным, даже после работы Калькмана, а лишь потому, что мне хотелось бы для настоящего случая по возможности изолировать «Венчающего Ипполита» и заняться исключительно, насколько сумею, усилением и углублением его поэтических красот,

Но и здесь даже мне приходится ограничить мою задачу заголовком настоящей статьи. Поэтических красот стиля, лиризма, экономии пьесы, удивительной стройности в распределении партий по отдельным сценам мне, к сожалению, не придется трогать вовсе. Дело в том, что я намерен говорить не о том, что подлежит исследованию и подсчету, а о том, что я пережил, вдумываясь в речи героев и стараясь уловить за ними идейную и поэтическую сущность трагедии.

Пролог принадлежит Киприде. Это божественная угроза сыну Амазонки за то, что он высокомерно относится к силе богини любви. Федра, по словам Киприды, тоже погибнет, только не по своей вине, а потому, что через нее должен быть наказан Ипполит. Богиня намекает и третьего участника будущей трагедии Фесея. Посейдон обещал ему исполнение трех желаний, и слово отца погубит сына.

Хотя Афродита и говорит об Ипполите, как о своем личном «враге», который ей «заплатит» (ст. 49-50)¹, но при восстановлении эстетической силы пролога следует помнить, что боги Еврипида давно покинули Олимп. «Я не завидую, говорит богиня «Ипполита», зачем мне это?» (ст. 20). Киприда потеряла уже наивный облик защитницы Париды, чтобы возвыситься до утонченного символа власти и стать непререкаемой силой, «великою для смертных и славною на небе» (ст. 1 сл.); в богине Еврипида есть и новое самосознание, которое носит печать века. «Ведь и в божественном роде, говорит Афродита, людской почет сладок» (ст. 7 сл.).

Кара, идущая от такой символической, рефлексированной богини, должна была менее оскорбительно влиять на нравственное чувство зрителя, и Еврипид, возбуждая в толпе нежную эмоцию сострадания, не без тонкого художественного расчета с первых же шагов трагедии холодновеличавым обликом своей богини как бы ограждал чуткие сердца от тяжелого дыхания неправды.

¹ Текст Вейля, как везде в этом разборе, если не будет особой оговорки.